

Лидия Чарская

Южаночка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Ч-22 **Чарская Л.**
Южаночка / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 92 с.

ISBN 978-5-4241-3421-0

Лидия Алексеевна Чурилова (урожденная Воронова, литературный псевдоним Лидия Чарская) по праву считается самой популярной детской писательницей России начала века. Перу этой одаренной и необычайно плодотворной писательницы принадлежат десятки произведений для детей, подростков и взрослых читателей. Количество написанного Чарской может быть сравнимо разве что с масштабами ее огромной, поистине небывалой популярности...

Продолжали зачитываться Чарской и после того, как ее произведения — уже в двадцатые годы XX века — были объявлены «слащавыми» и вредными для читателя, а затем запрещены и изъяты из библиотек. Наиболее любимые повести писательницы, однако, долго еще переписывались читателями, передавались из рук в руки.

ISBN 978-5-4241-3421-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Южаночка

Глава I

Ее ждут

Дедушка, высокий, красивый старик в генеральском сюртуке нараспашку, вынул из бокового кармана жилета, телеграмму и чуть ли не в сотый раз прочел: «Приедем сегодня в три. Бранд». Потом, снова тщательно сложил бумажку, спрятал ее и, чуть-чуть приоткрыв дверь кабинета, громко спросил:

— Все ли у вас готово, Дарья Ивановна?

На пороге комнаты появилась маленькая, толстенькая, розовая старушка в черном фартуке, с ослепительно белым чепцом на головке.

— Все, как есть все готово, ваше превосходительство, — весело отозвалась она, сияя добрыми ласковыми глазами и ямочками на пухлых румяных щеках, — все готово: и комната для дорогой гостеньки и парадный обед и...

— А трубочки удались ли со сливками? — прервал ее на полуслове озабоченным тоном дедушка.

— Уж так-то удались, что и желать лучше нельзя, — так же весело отвечала Марья Ивановна.

— А в новый умывальник свежей воды налили? — еще более озабоченно осведомился генерал.

— Только что Сидоренко целый кувшин вылил, ваше превосходительство, — вся сияя добродушием отозвалась старушка.

Дедушка с довольным видом кивнул белой как снег головой, взглянул на добродушное личико Марьи Ивановны и неожиданно, по юношески весело и радостно засмеялся:

— Едет она! Едет, наконец-то, наша Южаночка!

— Так точно едут-с, ваше превосходительство! — послышался грубоватый голос с порога комнаты и рядом с толстенькой шарообразной фигуркой Марьи Ивановны мгновенно выросла широкоплечая бравая фигура старого солдата, с коротко остриженной седой щетиной на голове с добрым морщинистым лицом с маленькими заплывшими глазками и с рыжими, как у таракана, во все стороны торчащими усами.

И Марья Ивановна и усатый солдат, иными словами денщик Сидоренко, составляли старую дедушкину гвардию. Лет двадцать тому назад дедушка, тогда еще, впрочем, не дедушка, а просто генерал Аркадий Павлович Мансуров, вышел в отставку и овдовел сряду, оставшись с семилетней дочерью на руках. Для маленькой Саши, лишившейся матери и была взята бонна Марья Ивановна. Когда Саша выросла, вышла замуж и уехала с мужем далеко на юг России, где стоял его полк, Марья Ивановна осталась в доме старого генерала присматривать за хозяйством. Что же касается денщика Сидоренко, то он знал Аркадия Павловича Мансурова еще в более отдаленные времена. Дедушка и Сидоренко служили в одном полку, вместе ходили в поход на «турку» вместе делили все трудности походной жизни, вместе были ранены под Плевной, причем серьезно раненого в ногу дедушку, бравый молодец Сидоренко вынес на руках из боя, не смотря на свою простреленную навывлет грудь, под громом неприятельских выстрелов. В один и тот же день и генерал Мансуров и денщик Сидоренко вышли в отставку, и не желая более разлучаться друг с другом, поселились вместе доживать свой век. И барин и денщик были связаны самой крепкой неразрывной дружбой. Один

дополнял другого. Один без другого никак не мог обойтись. И сейчас, увидя в дверях своего верного слугу, делившего с ним и радость и горе, дедушка, чуть прихрамывая на больную ногу, приблизился к Сидоренко, хлопнул его по плечу и произнес, глубоко прочувственным голосом:

— Что, дружище, настал наконец и на нашей улице праздник? Уж теперь-то скоро увидим нашу Южаночку! Скоро, братец ты мой!

— Уж чего скорее, ваше превосходительство, — отозвался ему в тон слуга, улыбаясь всеми своими морщинами и шевеля тараканьими усами.

В это время Марья Ивановна, не отводившая глаз от окна, неожиданно всплеснула руками и крикнула голосом полным отчаяния и страха.

— Ах, ты Господи! Еще этого не доставало! Снег пошел! Простудится еще чего доброго, наша барышня.

— Простудится? Южаночка простудится? Ха, ха, ха, ха, — веселым смехом разразился дедушка. — Не думаете ли вы, что какой-то снег может повлиять на здоровье Южаночки? Да она, голубушка наша, с детства приучена переносить всякие перемены погоды. В дождь, босыми ноженками ее бегать посылала покойная Саша, ванны из холодной ключевой воды ей делала, с непокрытой голо...

Тут дедушка оборвался на полуслове, не успев докончить начатой фразы. Оглушительный звонок дрогнул в передней и десятками отголосков зазвенел, переливаясь по всей квартире.

— Она! — вырвалось из груди генерала Мансурова и он махнул рукой.

Сидоренко, а за ним и Марья Ивановна с быстротой мало соответствующей их почтенным годам, кинулись в прихожую, перегоняя друг друга. Дедушка хотел было последовать за ними, но радостное волнение было так велико, что совсем лишило его силы. Его ноги задрожали и он невольно остановился на пороге кабинета, протягивая вперед трепещущие руки...

Глава II

Она приехала!

— Дедушка!

Что-то шумное, легкое, маленькое и ликующее, мокрое от снега, в белой шубке и таком же капоре, с быстротой стрелы и ловкостью котенка устремилось на грудь дедушки и повисло у него на шее.

И тотчас же целый град горячих поцелуев покрыл лицо старика. Белый капор скатился на спину и перед генералом Мансуровым предстала прелестная смуглая головка, с целым снопом густых смоляных кудрей. Эти кудри падали и на высокий умный лоб девочки и на ее разгоревшиеся от холода щеки и спускались спутанной живописной бахромой на черные, как угольки, огромные и сверкающие весельем и задором глаза.

Девочка была крепка, как молодая репка, стройна, ловка и очень хороша собой. Дедушке же она казалась, положительно, красавицей.

— Вся в мать! Вся в покойницу Сашу! Марья Ивановна! Сидоренко! Смотрите! Вся в покойницу барышню Сашу, не правда ли? Что за прелестное дитя! — с выступившими на глаза слезинками произнес старый генерал.

А «прелестное дитя» уже прыгало козленком перед лицом дедушки, держала его за рукав сюртука и болтала без умолку, как сорока:

— Ах, как интересно и ново было ехать, дедушка. Кушать и спать в дороге! Очень хорошо! Только вот «крыса» портила все дело. Всюду совалась с носом. Только и знала, что ворчала: «Ина, не ходите туда, Ина не ходите сюда! Ина сидите смирно, Ина не болтайте ногами и не грызите ногтей!» Вот надоела-то до тошноты право! А то, если бы не она, все бы хорошо было! Ведь я ни на минуточку не забывала, что еду к тебе, дедушка! Я так хотела увидеть тебя поскорее, познакомиться с тобой... Вот и приехала! Вот и узнала! Ты чудо какой хорошенький, дедушка! Точно старый царь Берендей из сказки. Только у Берендея борода, а у тебя нет. Отчего ты не носишь бороды, дедушка? А Сидоренко? Где твой Сидоренко, про которого мне так много рассказывала покойная мамочка?

И, не умолкая ни на минуту, не выпуская из рук полы дедушкиного сюртука, чернокудрая девочка завертелась из стороны в сторону, блестя разгоревшимися глазками, сверкая перламутровыми, зубками, сияя очаровательной улыбкой.

— Вот он — Сидоренко! — не без гордости представил внучке своего верного слугу генерал Мансуров.

— Ах! — пронзительно взвизгнула девочка и одним прыжком отскочив от дедушки, другим, очутилась на шее ошалевшего от неожиданности и счастья старика-солдата. — Голубчик Сидоренко! Молодец Сидоренко! Я вас очень люблю, Сидоренко, и всегда молюсь за вас, за то что вы не дали погибнуть дедушке и спасли его жизнь! Ах, как я вас люблю за это! — срывалось самым искренним тоном с губ Ины.

Старый денщик сиял от радости. Сиял дедушка, сияла Марья Ивановна... У всех троих на лицах изобразились самые умильные, самые счастливые улыбки.

И вдруг, сухой, холодный голос нарушил общее очарование.

— Ина! Куда вы забрались! Постыдитесь! Взрослая десятилетняя барышня висит на шее у прислуги!

Дедушка, Сидоренко и Марья Ивановна живо обернулись в ту сторону, отку-

да слышался голос.

На пороге кабинета стояла дама, небольшого роста, сухая, тощая с сутуловатой спиной, в скромной блинообразной дорожной шляпе, поверх гладко причесанной головы, в простом, строгого фасона гладком платье, с бледным худым лицом, носившим на себе печать сухости. От нее так и веяло холодком.

— Это и есть крыса! — успела шепотом пояснить дедушке Ина и не сходя с рук Сидоренко, сердито блеснув глазами, проговорила скороговоркой по адресу дамы.

— Во-первых Сидоренко не прислуга, а герой, а во-вторых оставьте меня в покое хоть сегодня!

— Ина! Вы грубая, дерзкая девочка и я попрошу вашего дедушку сделать вам строгий выговор за эти слова! — сильно сдерживаясь от охватившего ее гнева, произнесла дама и, сделав паузу, проговорила резче:

— Сейчас же сойдите на пол и оставьте в покое денщика!

— Сидоренко не денщик вовсе, а дедушкин друг! Молодец! Прелесть! — горячо вскрикнула Ина и, быстро соскользнув с рук солдата подхватила дрожащим восторженным голосом. — Вы разве не знаете, что Сидоренко — дедушкин спаситель? Подумайте только: спаситель. Вообразите только, M-lle Бранд эту картину: — Битва кипит... Турки дерутся... русские дерутся... все дерутся... Русские наступают... Турки их пушками... ружьями, саблями... всем! А русские молодцы! Все вперед! Все вперед! И дедушка тут же. Он ведет свой полк на приступ... Барабаны бьют... музыка... трубы... кричат ура!.. Вдруг откуда не возьмись турок! Огромный! Страшный. Кривая сабля в руке... Глазищи, как у волка... Да как над дедушкой саблей махнет! А Сидоренко тут как тут. По руке турку бац! Сабля ляг, мимо дедушкиной головы, только ногу задела... Дедушка упал. Сидоренко его поднял и марш-маршем назад. А турка — мертвый. По делом ему — чуть-чуть гадкий этакий, не убил дедушку!

И говоря это, Ина вся дрожала, бегала по комнате, махала руками, трепеща от охватившего ее волнения. Но M-lle Бранд, казалось, далеко не разделяла возбуждения девочки.

Тонкая усмешка кривила ее бледные губы.

— Перестаньте дурачиться, Ина, у вас ужасные манеры, — произнесла она строго и быстрыми шагами приблизившись к дедушке, добавила по его адресу с легким поклоном:

— Позвольте представиться, генерал, Эмилия Бранд попутчица и будущая воспитательница вашей внучки.

Дедушка низко наклонил свою серебряную от седины голову и почтительно приветствовал госпожу Бранд.

Последняя, бросив мимолетный взгляд в сторону Ины, непринужденно болтавшей о чем-то, в полголоса с Марьей Ивановной, заговорила снова:

— Очень рада познакомиться с вами, генерал, и в тоже время мне крайне больно нанести вам глубокое разочарование по поводу вашей внучки в первый же момент вашей встречи с ней. Я уже отчаивалась довести ее благополучно к вам. С ней было столько хлопот! Боюсь, что и вам Ина доставит массу неприятностей. Впрочем, вам не придется терпеть их долго. Завтра вечером, не позднее девяти я попрошу вас привезти девочку в институт.

— Как? Уже завтра? — возгласом, полным испуга и недоумения вырвалось у

дедушки. — Но побойтесь Бога, сударыня! Я пробуду только сутки с моей внучкой, свидания с которой ожидал целые годы! — и дедушка поник с грустью своей красивой, серебряной головой.

— Что делать, генерал! Такова была воля Агнии Петровны Палтовой, сестры вашего покойного зятя, опекунши Ины. Тетка девочки решила немедленно отослать Ину в наше учебное заведение, так как девочка зарекомендовала себя с самой дурной стороны. Как ни тяжело мне огорчать вас, генерал, но поступление Ины Палтовой в институт вызвано только целью ее исправить строгим казенным режимом. Я не хочу сказать, что это наказание однако, но...

— Наказание... исправление... строгий режим... но вы буквально огорошили меня, сударыня? Чем зарекомендовала себя дурно моя девочка, что нуждается в исправлении? — высоко подняв свои седые брови, спросил взволнованным голосом дедушка.

Тонкие губы госпожи Бранд стали еще тоньше. Она сердито поджала ими и уставившись своими выцветшими глазами в лицо хозяина дома, произнесла совсем уже сухо:

— Вы сами, с минуты на минуту убедитесь, генерал, что продолжительное пребывание Ины у вас в доме невыносимо. Ваша внучка испорченное, своенравное, злое дитя, требующее строжайшего присмотра за собой и самого серьезного исправления. Только в самом дисциплинированном учебном заведении еще можно будет надеяться ее исправить и, даст Бог, наш институт преуспеет в этом, потому и прошу вас, генерал, не медля ни одного дня, доставить к нам вашу внучку — и, с легким поклоном, госпожа Бранд поспешно вышла из кабинета, не удостоив ни единым взглядом виновницу ее негодования, воспользовавшуюся этим и высунувшую вслед удалившейся наставнице язык.

Глава III

Черные глаза не лгут

Волнение дедушки было так велико, что он не только забыл предложить госпоже Бранд пообедать у него и отдохнуть с дороги, но и поблагодарить последнюю за все дорожные хлопоты о его внучке. Мысль о том, что его черноглазую Иночку, его ненаглядную Южаночку отдадут, как бы в наказание в закрытое учебное заведение, положительно заполнило все существо дедушки, не давая ему покоя. До сих пор генералу Мансурову, не приходилось слышать о том, что его внучка являлась испорченным и скверным ребенком. Правда, тетка мужа его покойной дочери, опекунша Ины, часто писала дедушке, что ее племянница — очень беспокойное, не в меру шаловливое существо и, что рано или поздно ее придется отдать для «шлифовки» в какое-либо учебное заведение для благородных девиц. Но не о испорченности, ни о злом характере девочки не было и речи. Поэтому, и не мудрено, что сообщенное госпожой Бранд известие явилось громовой новостью для доброго старика.

Ему бесконечно стало жаль Южаночку, эту маленькую десятилетнюю круглую сироту девочку, с которой он вел горячую переписку с тех пор, как ребенок научился держать перо в руках и выводить им на почтовых листах свои незамысловатые каракульки. Ни на минуту не поверил однако дедушка словам строгой наставницы, и все его симпатии оставались на стороне Ины.

«Здесь, очевидно, кроется, какое-то недоразумение», — теряясь в догадках, решил дедушка, и ему остро до боли, захотелось сейчас же расспросить обо всем подробно свою юную гостью.

С этой целью он оглянулся в тот угол, где черноглазая Южаночка только что беседовала с его «старой гвардией». Но к великому изумлению генерала, ни черноглазой Южаночки, ни «старой гвардии» уже не было в комнате. Только из столовой смутно доносился звон посуды и веселый детский голосок, заливавшийся серебристым колокольчиком-смехом на всю квартиру.

Предчувствуя что-то недоброе, генерал Мансуров поспешил туда. Первое, что бросилось ему в глаза при появлении его в комнате, это растерянные лица Сидоренко и Марьи Ивановны.

— Что случилось? Где же Южаночка? — не замедлил спросить дедушка, ощущая в душе туже смутную тревогу.

— На верхи-с, ваше превосходительство их высокородие изволили забрать-ся. — отрапортовал Сидоренко опуская руки по швам и вытягиваясь в струнку перед своим генералом.

— На какие верхи? Что ты мелешь, дружище? — широко раскрыл недоумевающие глаза дедушка. Но тут взрыв неудержимого смеха, раздавшийся откуда-то сверху, заставил его поднять голову и разом понять в чем было дело. Ина сидела на буфетном шкафу с огромным блюдом трубочек на коленях. Она весело болтала стройными ножками, обутыми в черные длинные чулки, и заразительным смехом уничтожала десерт, не забывая при этом, прежде нежели отправить трубочку в рот, обмокнуть ее в битые сливки, красиво заполнявшие середину блюда.

— Что ты делаешь, Южаночка! Как можно кушать сладкое до супа и жаркого. И зачем ты влезла на буфет? Еще, сохрани Бог, свалишься оттуда! — с непод-

дельным ужасом воскликнул дедушка, инстинктивно протянув руки по направлению к буфетной вышке.

— А тебе это очень неприятно, милый дедушка? — лукаво прищурив черные глазки, осведомилась сверху шалунья.

— Очень неприятно, девочка, — самым искренним тоном отвечал тот.

— В таком случае, я слезаю вниз! Голубчик Сидоренко, держите блюдо! Так. Великолепно! А теперь раз, два, три! Поворот напра-аво! Марш-маршем вперед! Ур-р-ра!

И едва только денщик успел принять из рук Ины блюдо, как девочка с веселым смехом скользнула вниз и, разметав руки, пронзительно взвизгнув упала на турецкую оттоманку, стоявшую по соседству с буфетом. Крик испуга не успел сорваться с губ дедушки, когда Ина, как резиновый мячик, подпрыгнув на мягких пружинах оттоманки, уже стояла перед ним и взяв под козырек, звонким голосом рапортовала, копируя солдата.

— Честь имею доложить вашему превосходительству — неприятель еще не показывался. На горных высотах все спокойно. В долинах тоже. А теперь... — Шалунья щелкнула языком, прищурилась и скроив потешную рожицу, — прибавила уже обычным своим тоном: — А теперь обедать, обедать скорее дедушка. Твой бедный солдатик ужасно проголодался делая рекогносцировку. Надо, к тому же, доказать тебе, дедушка, что храбрые войны могут с успехом после трубочек с взбитыми сливками кушать и жаркое и суп...

И с тем же беспечным смехом, Ина подпрыгнула на одной ножке и повисла на шее дедушки. Но вот глаза ее встретились с его глазами. Печальное выражение этих глаз, идущее в разрез с общим выражением лица дедушки, улыбавшимся ласково и нежно, поразило девочку.

— Дедушка! Миленький! Хорошенький! Золотенький дедушка! Отчего ты такой грустный? Отчего у тебя глазки туманные, дедушка? Неужели из-за меня? Скажи, чем я огорчила тебя, дедушка?

И черные глаза Южаночки с тревогой, заботой и лаской заглядывали в лицо деда.

А сердце генерала сжималось все сильнее и сильнее. «Уж не за подобные ли поступки подвергнута строгому наказанию, эта милая, ласковая, черноглазая девочка?» — мысленно задавал себе вопрос Мансуров и тут же решил, во что бы то ни стало добраться до истины.

— Послушай, Южаночка, — проговорил он ласково и серьезно, взяв в обе ладони разгоряченное румянцем смуглое личико внучки и близко притягивая его к своему лицу, — скажи мне правду, за что тебя тетя Агния отослала из дому и отдает в институт? Только правду, одну истинную правду хочу я знать, Южаночка!

— Конечно, я скажу тебе правду, дедушка, я всегда говорю только одну истинную правду, — послышался покорный ответ девочки, произнесенный таким чистосердечным голосом, что трудно было не поверить искренности обладательницы такого милого, правдивого голоса...

А темные брови Южаночки, между тем, нахмурились, черные угольки-глаза чуть-чуть затуманились грустным облачком, а смуглое личико приняло вдруг строго-печальное выражение.

— Я очень, очень дурная девочка! — проговорила Ина самым искренним

тоном, — очень дурная девочка, и это тоже сушая правда, дедушка. Я не знаю только, почему я такая дурная, когда мне всей моей душой хочется быть хорошей! Хочется делать все только доброе, прекрасное, а выходит на деле — одно дурное... Не находишь ли ты это поистине ужасным, дедушка? И так это всегда неловко выходит, если б ты только знал! Тетя Агния постоянно бранила меня! За все бранила! И за то, что я по деревьям лазила, и за то, что с татарскими ребятами потихоньку бегала купаться в море. И что Эмильку Федоровну крысой прозвала, эту самую Эмильку Федоровну, крысу бесхвостую, которую ты сегодня видел. Она служит классной дамой в N-ском институте, в том самом, куда тебе придется отвезти меня завтра, дедушка. Она давнишняя подруга тети и провела у нас все последнее лето. Вот-то была потеха с ней! Ха, ха, ха, ха!

Тут Ина, вспомнив что-то, очевидно, очень веселое, громко, раскатисто рассмеялась во все горло.

— Слушай, слушай, что только было у нас с ней, дедушка! — подхватила она еще с большим одушевлением между шумными взрывами смеха. — Как-то раз я положила Эмильке-крысе, лягушку в постель... Ах, как она кричала... Кричала и дрыгала ногами, точно на ниточке паяц. «Змея! Змея!» — кричит! И умоляла меня: «Спасите меня, спасите!» Я чуть не умерла со смеху. Но ты сам посуди только, дедушка, разве не смешно бояться лягушки, которая никому не может причинить вреда? Разве можно за змею принять лягушку? А кучер Ермила так испугался Эмилькиных криков, что прибежал с оглоблей из конюшни змею убивать! Вот-то была умора! Я так смеялась, что осипла, а тетя страшно рассердилась на меня. Заперла в чулан на целый день и потом на другое утро я узнала, что они меня решили с «крысой» в институт отправить. Ну, вот и все. Я тебе все самое главное рассказала, дедушка, а остальное все в том же роде. Видишь, какая я дурная! — совсем уже печальным голосом заключила Южаночка и все радостное оживление ее скрылось в один миг.

— Все ли, деточка? — серьезным голосом переспросил дедушка, которому в одно и то же время хотелось и пожурить внучку и расцеловать ее прелестное, приунывшее теперь личико. А она уже хмурила лоб, сдвигала брови, изо всех сил стараясь припомнить, не совершила ли она какой-либо еще предосудительный поступок «из важных», чтобы не забыть рассказать его дедушке.

— Вспомнила! Вспомнила! — неожиданно сорвалось из алых губок Ины веселым радостным звуком. — Ах, вот-то еще была потеха. Ты только послушай, что я сделала, дедушка. Ха, ха, ха, ха! Я сняла с верхового Гнедки седло и переложила его на теленка Кичку. А сама села на Кичку и поехала на нем, как на лошади. Кичка прыгал, как полоумный и совершенно ошалев, кинулся к дому, влетел на террасу, где тетя с «крысой» пили кофе, и прямо к столу... Тетя так испугалась, что упала со стула. И опять мне влетело по первое число. Опять целый день в чулане на хлебе и воде. Теперь уже я окончательно все до капельки рассказала тебе, дедушка!

— Нехорошо все это, Южаночка, — покачивая головой, произнес Мансуров, всячески сиюсь скрыть улыбку, предательски морщившую его губы.

— Знаю что нехорошо, дедушка! — опять делаясь серьезной, проговорила девочка, — но мне кажется, что если бы тетя Агния не наказала меня отдачей в институт, Бог знает, когда еще удалось бы мне повидаться с тобой мой милый, мой хороший дедушка! А я так тебя люблю! — неожиданно закончила она свою